

К ЮБИЛЕЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

УДК 94(470)“1812”

ОЛЬГА ВАЛЕРИАНОВНА ЭДЕЛЬМАН

1812-Й ГОД И ГЕНЕЗИС ДЕКАБРИЗМА

канд. ист. наук
Государственный архив Российской Федерации,
г. Москва
e-mail: olga.edelman@gmail.com

Из мемуаров декабристов и их показаний на следствии известна роль Отечественной войны в генезисе тайных обществ в России. Патриотический подъем 1812 г., готовность пожертвовать собой за Отечество на поле брани трансформировались затем, в мирное время, в желание реформ для счастья своей страны. Но на следствии при ответе на вопросы о возникновении свободомыслия декабристы ссылались не на впечатления 1812 г., а на опыт походов 1813–1814 гг. Анализируя это противоречие, автор приходит к выводу, что представители декабристской генерации вкладывали в слово «свободомыслие» иной смысл, не вполне совпадающий с современным.

Ключевые слова: декабристы, мировоззрение, Наполеоновские войны, Отечественная война 1812 г., Французская революция.

Взаимосвязь наполеоновских войн и декабризма так или иначе обсуждается в огромном количестве работ общего порядка и, разумеется, в биографических исследованиях, посвященных отдельным декабристам. В узком же смысле историография этого вопроса весьма невелика, центральное место в ней по праву занимает книга Л.Я. Павловой [1]. Ее интересовали прежде всего выявление и обобщение сведений об участии декабристов в боевых действиях, вопрос о влиянии войн на становление декабризма рассмотрен ею лишь в заключении. Безусловно важна для понимания проблемы книга А.Г. Тартаковского [2], многие страницы которой посвящены непосредственно деятелям декабристского движения. Примечательно, что сама постановка темы «1812-й год и декабристы» обозначилась достаточно поздно и была приурочена к 150-летию Отечественной войны. Соответствующий раздел выделен лишь в третьем по счету библиографическом указателе декабристской литературы [3]. Таким образом, до начала 1960-х гг. вопрос о декабризме и наполеоновских войнах не рассматривался исследователями как значимый.

Принимаясь за данную статью, я хотела попутно прояснить для себя, видеть ли в этом недостаток старой историографии (обусловленный множеством причин, связанных и с логикой развития исторического знания, и с особенностями общественно-политической ситуации, которые сами могли бы стать предметом исследования), или же, напротив, в позднесоветское время интерес к теме «1812-й год и декабристы» был преувеличенно раздут в угоду юбилеям (150-летие 1812 года в 1962 г., 150-летие восстания декабристов в 1975 г.) и сложившемуся затем привлекательному романтизированному образу, слившемуся воедино декабристов и героев 1812 г. Представляется нелишним заново попытаться определить масштаб и значение исследуемого явления, какими он видятся сегодня.

«Мы были дети 1812 года» – эту выразительную фразу Матвея Ивановича Муравьева-Апостола невозможно не процитировать, коль скоро речь заходит о влиянии Отечественной войны на декабристов и людей их круга. Опыт переживания освободительной войны стал осмысляться историографией как один из важных этапов становления декабризма: патриотический подъем 1812 г., готовность пожертвовать собой за Отечество на поле брани трансформировались затем, в мирное время, в желание своей стране счастья, свободы и процветания, ради чего вчерашние герои войны по-прежнему готовы были жертвовать собой. Весьма убедительная логика этого построения не вызывала бы никаких вопросов и не требовала бы пояснений, если бы не одно озадачивающее обстоятельство.

Известно, что во время следствия, ближе к его окончанию, декабристам были розданы однотипные вопросные пункты, которые уже в составленных в самом Следственном комитете описях документов, прилетенных к каждому делу, стали именоваться «вопросами о воспитании». Они состояли обычно из 7 или 8 пунктов¹ и были направлены на уточнение личных данных и подробностей биографии обвиняемых (имя, возраст, вероисповедание, прохождение службы, присягал ли Николаю I), но главное – имели целью выяснить пути и причины распространения вольнодумства. Центральными были вопросы о том, где декабрист учился,

¹ Восьмой пункт требовал изложить послужной список, он, по-видимому, не включался в вопросы тем из декабристов, чьи формулярные списки к моменту составления вопросов о воспитании уже имелись в Комитете. Ряд «северных» декабристов получил аналогичный вопросник еще более укороченным – из 4 или 5 пунктов. В этих случаях исключены были вопросы о возрасте, исповедании, присяге, если они были заданы данному декабристу раньше в ходе допросов.

кто были его учителя и, наконец, прямо сформулированный вопрос: «С которого времени и откуда заимствовали первые вольнодумческие и либеральные мысли, т. е. от внушений ли других или от чтения книг, и каким образом мнения сего рода в уме вашем укоренились?» Как правило, этот вопрос помещался под номером 7. Отвечая на него, декабристы придерживались различной тактики. Одни заверяли, что никогда не были вольнодумцами, другие обстоятельно и серьезно излагали ход своих мыслей, перечисляли прочитанные книги, впечатления от разворачивавшихся на их глазах исторических событий; некоторые ссылались на чье-то влияние; кто-то старался показать, что хоть и мыслил вольно, но ничего преступного в этом нет, другие выражали раскаяние в своих заблуждениях, и т. д. Как и с любым следственным показанием, работа с ответами на «вопросы о воспитании» требует внимательного анализа общей линии поведения каждого подследственного, но при достаточно аккуратном источниковедческом подходе позволяет извлечь много ценнейшей информации. Ведь стараниями самого следствия мы имеем уникальный комплекс однотипных (записанных в сходных обстоятельствах, в ответ на одинаково сформулированный вопрос) суждений декабристов об их отношении к вольнодумству, генезису и составляющим этого явления.

Так вот, в ответах на п. 7 «вопросов о воспитании» среди обстоятельств, повлиявших на развитие свободомыслия, война 1812 г. никем из декабристов не была упомянута ни разу. И этот факт требует осмысления. В какой мере тезис о декабристах как «детях 1812 года» может быть подкреплен ссылками на их собственные тексты (причем синхронные событиям, а не мемуары, созданные много лет спустя в совершенно иной общественно-политической обстановке) и не является ли он в чистом виде привнесенным извне исследовательским конструктом?

Прежде всего, нужно помнить, что вопреки расхожему собирательному образу декабриста далеко не все участники тайных обществ являлись ветеранами и героями наполеоновских войн. По подсчетам Л. Федоровой, «из 570 человек, привлекавшихся по делу о тайных обществах, в Отечественной войне 1812 года и заграничном походе участвовали 115, а в Бородинском сражении – 65» [4, с. 89]. Исследовательница не сочла нужным отделить участников кампании 1812 г. от тех, кто был только в заграничных походах. Если бы она это проделала, то число ветеранов 1812 г. приблизилось бы, вероятно, к числу бывших при Бородине. Многие декабристы по молодости лет начали свой боевой путь только в 1813 г., большинство же «опоздали родиться» и вступили в военную службу уже по окончании войн с Наполеоном. Но, впрочем, если даже Отечественная война не стала для них личным боевым опытом, то сопутствующий ей патриотический подъем они испытали в равной мере. По словам Н.М. Муравьева, «имея от роду 16 лет, когда поход 1812-го года прекратил мое учение, я не имел образа мыслей, кроме пламенной любви к отечеству» [5, т. 1, с. 294]².

В ответах на седьмой пункт кампания 1812 г. не упоминается. Зато среди факторов идейного влияния наряду с чтением там лидируют ссылки на впечатления от заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. и от последующих событий в Европе. «Свободомыслием первоначально заразился я во время походов во Францию в 1814 и 1815 годах; потом оно постепенно возрастало во мне от чтения разных современных публицистов» (К.Ф. Рылеев) [5, т. 1, с. 156]. «Прокламации союзных держав в 1813-м году, предлагавшие народам Германии представительное правление вместо награды за их усилия, обратили во-первых мое внимание на сей предмет, впоследствии я был утвержден в оном речью покойного государя императора к Сейму Царства Польского» (Н.М. Муравьев) [5, т. 1, с. 294–295]. «Свободный образ мыслей заимствовал я, по окончании войны с французами, из последовавших по утверждению мира в Европе происшествий, как то: преобразования Французской империи в конституционную монархию, обещания других европейских государей дать своим народам конституции и установления оных в некоторых государствах, присоединения Царства Польского со введением в оное такого же рода правления, первой речи покойного государя императора на Сейме в Варшаве» (С.П. Трубецкой) [Там же, с. 9]. «Вольно-безумно-думство мое заимствовал я со времени пребывания моего в чужих краях от духа времени тогдашнего, т.е. во время и после войны 1813 и 1814 годов» (А.Н. Муравьев) [5, т. 3, с. 8]. «С 1813 года первоначально заимствовался вольнодумческими и либеральными мыслями, находясь с войсками по разным местам Германии и по сношениям моим с разными частными лицами тех мест, где находился. Более же всего получил наклонность к таковому образу мыслей во время моего пребывания в конце 1814 и в начале 1815 года в Париже и Лондоне, как господствующее тогда мнение» (С.Г. Волконский) [5, т. 10, с. 108]. Да и автор афористичной фразы о «детях 1812 года» М.И. Муравьев-Апостол объявил, что «первые вольнодумческие и либеральные мысли я получил во время нашего пребывания в Париже в 1814 году. До того я не знал о существовании конституции» [Там же, т. 9, с. 216–217] (а между прочим он вместе с братом Сергеем Ивановичем воспитывался за границей и европейский уклад жизни был ему не в новинку).

Все это – участники событий. К.Ф. Рылеев начал свой боевой путь в 1814 г., Н.М. Муравьев в 1812 г. убежал из дома и пытался вступить в армию, а в походе 1813 г. был уже в строю, С.П. Трубецкой, А.Н. Муравьев и М.И. Муравьев-Апостол воевали с начала Отечественной войны, а С.Г. Волконский – еще с кампании 1806–1807 гг. Сравним с тем, что говорили их младшие сотоварищи, на войну не попавшие: «Недавние перевороты в правлениях Европы сильно на меня действовали» (П.Г. Каховский) [5, т. 1, с. 343],

² Цитата относится к ответам на «вопросы о воспитании», но не на вопрос № 7 о формировании вольного образа мыслей, а на предыдущий (чему он учился и какие слушал лекции).

И.И. Пущин сослался на развитие свободного образа мыслей «по естественному ходу духа времени» [Там же, т. 2, с. 208].

Какую именно пищу для мысли давал этот «дух времени», со свойственной ему логической четкостью формулировок, отвечая на седьмой пункт «вопросов о воспитании», объяснил следствию П.И. Пестель: «Возвращение Бурбонского дома на французский престол и соображения мои впоследствии о сем происшествии могу я назвать эпохою в моих политических мнениях, понятиях и образе мыслей: ибо начал рассуждать, что большая часть Коренных Постановлений, введенных Революциею, были при Ресторации Монархии сохранены и за благие вещи признаны, между тем как все восставали против Революции, и я сам всегда против нее восставал. От сего суждения породилась мысль, что Революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может быть даже весьма полезна» [5, т. 4, с. 90]. Он же, получив в вопросных пунктах от 13 января сходный по содержанию вопрос («Каким образом революционные мысли и правила постепенно возрастали и укоренились в умах? И кто, где начал и продолжал внушать и распространять оныя в государстве?»), ответил знаменитыми фразами о том, как «дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клекотать» и как «происшествия 1812, 13, 14 и 15 годов, равно как предшествовавших и последовавших времен, показали столько престолов низверженных, столько других постановленных, столько царств уничтоженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оныя производить» [Там же, с. 105].

Обратим внимание, что декабристы говорили здесь не только и не столько об, пользуясь современным нам языком, «экспорте идей», заимствовании опробованных уже в Европе политических форм. Рассуждения Пестеля открывают нам два очень важных момента. Во-первых, для наблюдателя той эпохи прежде статичный и стабильный миропорядок пришел в движение. Не случайно Пестель так нагнетает, подчеркивает динамизм событий, многократно повторяя слово «столько» – престолов, царств, переворотов. На глазах молодых офицеров монархии, казавшиеся самоочевидным, вечным, не подлежащим переменам способом правления, начали рушиться, заменяться республиками, преобразовываться в конституционные и парламентские. Если Великую Французскую революцию до некоторых пор еще можно было считать единичной аномалией, то теперь уже перемены становились нормой и можно было говорить даже об их технологии («возможности и удобства оныя производить»). Более того, многие либеральные преобразования в 1813–1815 гг. осуществлялись самими монархами, и Александр I подавал выразительный пример. Отсюда проистекал второй момент, о котором говорит Пестель: изменилась моральная оценка этих переворотов, революция оказалась «не так дурна», как прежде считалось. Традиционная, еще феодальная система ценностей за считанные годы была пересмотрена, понятия чести и добродетели теперь включали, помимо верноподданнического служения государю, еще и гражданственность, а возможность противоречия между первым и вторым влекла за собой значительно большую степень личного выбора и личной ответственности. Не то чтобы до того в России никто не задумывался о революции в положительном ключе; но всякое поколение заново переосмысляет полученный в ходе воспитания и образования багаж знаний, а декабристы в большинстве своем были воспитаны консервативно мыслящими родителями и наставниками, и детство их пришлось на период, когда русское дворянское общество испытывало ужас от кровавого якобинского террора.

Прибавим еще один аспект, содержащийся, например, в показании И.Д. Якушкина: «Пребывание во время похода за границей вероятно в первый раз обратило внимание мое на состав общественный в России и заставило видеть в нем недостатки» [5, т. 3, с. 44]. О богатой пище для наблюдения и сравнения говорили также декабристы-моряки, бывавшие в заграничных плаваниях и в военное время, и позднее (Н.А. и М.А. Бестужевы, К.П. Торсон) [Там же, т. 2, с. 64–65; т. 1, с. 481–482; т. 14, с. 211].

Итак, в ответ на вопрос о возникновении свободного образа мыслей декабристы вспоминали впечатления кампаний 1813–1814 годов, но не 1812-й год с его патриотическим подъемом. Разве что у М.И. Муравьева-Апостола это прозвучало вскользь. Показав, что до 1814 г. не имел понятия о конституциях, он прибавил: «Любовь к отечеству, которое мы спасли от ига Наполеона, меня одушевляла – чтение иностранных журналов, а наиболее le Constitutionnel, их укоренили» [5, т. 9, с. 216–217].

При этом ссылки на Отечественную войну в следственных делах декабристов обнаруживаются, хоть и немногочисленные. Но только не в ответах на «вопросы о воспитании», а в показаниях, данных в ответ на вопрос о причинах вступления в тайное общество. И в этих случаях выстраиваются логические цепочки, как раз увязывающие патриотический подъем, вызванный нашествием Наполеона на Россию, готовность жертвовать собой за Отечество на поле брани и последующий перенос ее в область внутренней политики. «Великие события отечественной войны, оставя в душе глубокие впечатления, произвели во мне какое-то беспокойное желание деятельности. Двукратное пребывание за границей открыло мне много идей политических, о которых прежде не слыхивал» (М.А. Фонвизин) [5, т. 3, с. 71]³.

³ Ответ на вопрос о причинах вступления в тайное общество. Вопросные пункты без даты, ответы были прочитаны на заседании Следственного комитета от 2 февраля 1826 г.

Весьма характерна в этом отношении записка-показание С.П. Трубецкого с объяснением причин создания тайных обществ, представленная им в Следственный комитет 27 декабря 1825 г. В этом довольно обширном тексте читаем:

Нападение Наполеона на Россию в 1812-м году возбудило в русских любовь к отечеству в самой высокой степени; счастливое окончание сей войны, беспримерная слава, приобретенная блаженной памяти покойным государем императором Александром Павловичем, блеск, коим покрылось оружие российское, заставило всех русских гордиться своим именем, а во всех имевших счастье участвовать в военных подвигах поселило удостоверение, что и каждый из них был полезен своему отечеству. [...] Мы часто говорили между собой о бывших событиях, о славе государя, о чести имени русского, рассуждали, что уже быв каждый по возможности своей полезен отечеству в военное время, не должны быть бесполезны и в мирное, что каждый из нас, сопутствуя своему Государю в трудах военных, должен и в мирных подвигах его величества по возможности своей содействовать (С.П. Трубецкой) [5, т. 1, с. 23]⁴.

Трубецкой, конечно, относился к числу тех, кто стремился представить следствию тайные общества как почти что благонамеренное начинание в русле либеральных настроений самого Александра I. Но невозможно считать это одной лишь уловкой обвиняемого. Хотя бы потому, что и записки свои, созданные два десятилетия спустя, Трубецкой начал с того же самого мотива: «По окончании Отечественной войны имя императора Александра гремело во всем просвещенном мире; народы и государи, пораженные его великодушием, предавали судьбу свою его воле: Россия гордилась им и ожидала от него новой для себя судьбы» [6, с. 217]. Сходное восхищение императором можно найти и в записках других декабристов, например, им проникнут рассказ Н.И. Лорера «Из воспоминаний русского офицера» [7, с. 289–337], отголоски его слышатся в мемуарах И.Д. Якушкина [8, с. 77–78], у П.Н. Свистунова [9, с. 316–317] и т. д.

Историю тайных обществ Трубецкой выводил из патриотического энтузиазма 1812 г. Но выше мы цитировали его же ответ на «вопросы о воспитании», где отправной точкой вольнодумства были названы послевоенные события в Европе. Получается, что заграничные походы являются предысторией развития свободомыслия, а патриотизм 1812 г. – создания тайных обществ. Приведенные выше ответы декабристов на вопросы «о воспитании» подтверждают это, несколько парадоксальное, обстоятельство. Можно видеть две логические цепочки, которые описываются обособленно: любовь к Отечеству – готовность к самопожертвованию – вступление в тайное общество; и европейские преобразования – свободный образ мыслей. Эти две линии сопряжимы друг с другом, но не синонимичны. Выходит, что для людей декабристской формации свободомыслие – это одно, а членство в тайном обществе – несколько иное, одно с другим связано, но не столь тесно и безусловно, как это стало мыслиться впоследствии.

Разумеется, историография всегда различала декабристов и людей их круга, разделявших в большей или меньшей мере их воззрения, но непричастных к тайным обществам. Как правило, это объясняется разницей темпераментов, жизненных целей, приводящими обстоятельствами, наконец, недостатком гражданского мужества и энтузиазма. Однако столь уникальный источник, как ответы на «вопросы о воспитании», рисует нам еще одну тонкую и важную грань, различающую принадлежность к тайному обществу и свободный образ мыслей⁵. Вернемся к показаниям тех из декабристов, кто отрицал свое свободомыслие.

Независимо от того, признавались ли они в причастности к тайным обществам, от подозрений в свободомыслии они отрешивались в сходных выражениях. «Укоренение в себе чрез меру свободных мыслей и никаких своевольных и буйственных расположений я не чувствую, и ни словесно, ни письменно, ни на деле не доказал оных. Поведение мое, достаточно исследованное Комитетом, доказывает, что я ничем не явил равной испорченности и сходственности своего образа мыслей с другими членами» (П.А. Муханов) [5, т. 3, с. 180–181]. «Вольнодумцем я никогда не был, но всегда с возможным старанием и ревностью выполнял все возложенные на меня обязанности по службе. В чем ссылаюсь на свидетельство командиров и товарищей своих» (С.И. Кривцов) [Там же, т. 14, с. 379]. «Вольнодумства и либеральных мыслей никогда не имел, нигде и ни в чем оных не оказывал, никому не сообщал, равно и мне таковых не внушал никто. Вел себя во всякое время по службе и в обществах с начальниками и подчиненными прилично и сообразно званию моему» (И.Н. Хотьинцов) [Там же, т. 19, с. 41]. И так далее, вплоть до изумительной формулировки С.Г. Краснокутского: «В течение двадцати одного года, смело могу сказать, ревностной и бескорыстной службы, был всегда слепой исполнитель приказаний начальства и никого из своих подчиненных ни словами, ни примером не развратил» [Там же, т. 12, с. 75].

Итак, у этой группы декабристов свободомыслие ассоциируется со своеволием, «буйственным расположением», испорченностью, развратом, а доказательством его отсутствия могут служить отзывы начальства о примерном поведении. Таким образом, свободомыслие представляется категорией не столько интеллектуальной, сколько нравственной. Уместно вспомнить разобранный нами выше записку-показание С.П. Трубецкого, начинающуюся с фразы полемической: «Не должно полагать, чтобы люди, вступившие в какое-либо тайное общество, были все злы, порочны или худой нравственности и имели бы дурные и преступные намерения» [6, с. 82].

4 Републикация по подлиннику [6, с. 85].

5 Ю.М. Лотман не использовал ответы на «вопросы о воспитании», но наблюдения о декабристском этосе, к которым он пришел, основываясь на других источниках, сходны в ряде принципиальных положений, и я, конечно же, опиралась на них [10].

В большинстве своем рассуждавшие так декабристы не принадлежали к передовым кругам столичной образованной аристократии, к интеллектуальной элите того времени. Это были выходцы из провинциального дворянства, армейские офицеры, носители более архаичного – по сравнению с их столичными ровесниками – мышления. За их представлением о свободомыслии как своеволии и безнравственности угадывается актуальная для конца XVIII в., но слабо отраженная в русских источниках реакция на вольнодумство как составную часть французского либертинажа. Именно свежая память об этом сомнительном контексте придавала в глазах людей декабристской генерации двусмысленность понятию «свободный образ мыслей» и мешала непосредственно увязать его с комплексом патриотических переживаний. И именно в устах этого поколения термин «свободомыслие» менял значение, утрачивая негативный моральный оттенок и окончательно закрепляясь в области сугубо политических идей. Этот процесс во всей своей незавершенности и нашел отражение в ответах на «вопросы о воспитании».

Через несколько десятилетий, когда декабристы принялись за написание воспоминаний, это переходное состояние уже отошло в прошлое, русское общество проделало значительную эволюцию, свободомыслие однозначно ассоциировалось теперь с политическими убеждениями, противостоящими официальной идеологии. Декабристы равным образом проделали этот путь, что отразилось в их мемуарных текстах. Нетождественность «свободомыслия» и участия в политическом тайном обществе, напряженный зазор между этими понятиями были забыты, и декабристская мемуаристика донесла до нас историю их идейного становления в слитной полноте: 1812-й год и патриотический подъем, заграничные походы и знакомство с конституционными установлениями, наблюдение европейского уклада, желание преобразований на благо своему отечеству (см. в записках С.П. Трубецкого, И.Д. Якушкина, С.Г. Волконского). Кроме того, за годы, прошедшие между восстанием декабристов и созданием их мемуаров, состоялось переосмысление исторического значения наполеоновских войн. Заграничные походы, на которых делался акцент на первых порах, отошли в тень вместе с восторгами от роли России и ее государя как спасителя Европы (этот мотив исчез из официальной риторики александровского царствования довольно быстро, по мере того как разочаровывала внешнеполитическая реальность с энергичными усилиями европейской дипломатии по нейтрализации влияния русского императора). Зато в центр русского самосознания выдвинулся образ 1812 г. как освобождения своей земли от неприятельского нашествия [2]. Уже для А.И. Герцена и В.Г. Белинского 1812-й год был ключевым и переломным событием новейшей российской истории, по мнению Н.Г. Чернышевского, с 1812 г. «началась новая жизнь для России» [2, с. 15].

В этом новом общественном климате престарелый М.И. Муравьев-Апостол создавал свои мемуарные заметки, и неудивительно, что он испытал потребность подчеркнуть связь восстания декабристов с теми событиями, в которых и сам он, и многие его сотоварищи когда-то принимали участие и оценка которых в глазах публики теперь столь возросла, превратив их в ключевые, в главный предмет отечественной гордости. «Каждый раз, когда я уйду от настоящего и возвращаюсь к прошедшему, я нахожу в нем значительно больше теплоты. Разница в обоих моментах выражается одним словом: любили. Мы были дети 1812 года. Принести в жертву все, даже самую жизнь ради любви к отечеству было сердечным побуждением. Наши чувства были чужды эгоизма. Бог свидетель этому...» [11, с. 177–178].

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова Л.Я. Декабристы – участники войн 1805–1814 гг. М., 1979.
2. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.
3. Движение декабристов : указ. лит., 1960–1976 / ред.-сост. Р.Г. Эймонтова, сост. В.С. Барашкова, А.Ф. Лисман, Ю.И. Струков и др., отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1983.
4. Федорова Л. Статистические сведения о декабристах – участниках Отечественной войны 1812 года // Военно-исторический журнал. 1975. № 12.
5. Восстание декабристов. М.; Л., 1925–2008. Т. 1–21. (При ссылке в тексте указаны номера томов).
6. Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности / изд. подг. В.П. Павловой. Иркутск, 1983. Т. 1.
7. Лорер Н.И. Записки декабриста / изд. подг. М.В. Нечкиной. Иркутск, 1984.
8. Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы / изд. подг. В.И. Порохом, И.В. Порохом. Иркутск, 1993.
9. Свистунов П.Н. Отповедь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов: в 2 т. / предисл. В.М. Боковой. М., 2008. Т. 2.
10. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25–74.
11. Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество / под ред. И.В. Пороха и В.А. Федорова. М., 1982.

Статья поступила
в редакцию 23.04.2012